

Валентин Колумб

Подорожная

Вокзал издёрган, вечно растревожен,
мотаюсь, злой на всех и на себя.
– Скорей вагон умчал меня бы, боже! –
ругаюсь, сердце гулкое скрепя.
И, тоже злой, пыхтя в пару у бака,
истощно крикнул поезд... Вот дела,
ведь ни одна, ну, ни одна собака
со мной проститься нынче не пришла!
Ещё одну мне город ставит драму.
Растёт тех драм, и всё быстрее счёт.
Но чей малыш, обняв за шею маму,
ручонкой так старательно трясёт?
Узнав копну волос моих, казалось,
решил привет мне именно послать.
Молочных губ ту радость я и жалость
возьму с собою в нужный час, как кладь.
Дурак, Одну ценить друзей дороже!
В душе у ней лисе бы рыть нору.
Вон у дитя одна ведь мама тоже –
а всё равно с пустышкой он во рту.
Надул пузырь, другой малыш весёлый...
Давай, меня от мыслей отвлеки!
На белом свете оба новосёлы,
похоже, мы. Такие сопляки!
...Крестом к пути лежу на верхней полке,
кулак под ухом – злобный камень-пуд.
На каждом стыке вдребезги, в осколки
одно и то ж: «Забудь, дурак, забудь!»

Зоя Висвис

* * *

Чуть трещит разогретая печь,
запах мёда от сотовых свеч...
Так весной, сколько помнится мне,
Бога чтили в родной стороне.
Яйца крашу, кладу в туесок.
Вот уже мой подарок подсох,
маму кличу: сама выбирай!
Взяв, на тёплый кладёт каравай.
Мёд, подкоготь и масло, и квас
угощают язычников, нас.
И туда, где блещут образа,
смотрят истоиво мамы глаза.

И впервые, поставив свечу,
я тихонько молитву шепчу...
То была не молитва совсем –
Бог внимает, я верила, всем.

Светлана Эсаулова

* * *

Ни в среду теперь, ни в другую
не встретимся больше... И всё ж
ты, август, как в пору былую,
замужней, мне спать не даёшь.
Срываются звёзды, тревожа,
луны подплывёт апельсин...
Нет, прошлое сбыться не может –
далёк он, звезда, и один.
Ночь жёлтые листья спросонья
роняет на тёмный балкон,
сгребу их – в горячей ладони
сожму, как последний патрон.
И вспомню, как бабушка внучку,
меня, загоняла в постель:
«Удобней ложись на подушку –
услышишь: там – маленький шмель».
Неправда, но всё же красива,
всегда высыпалась я всласть.
Философу-бабке спасибо –
уснула я... Снится сейчас,
что катит луна апельсином
леса в зубастую пасть.

Вячеслав Абукаев-Эмгак

* * *

Безмолвно, бестрепетно время...
Назойливей же, чем слуга
часов говорливое племя –
достанет почище врага.
Доносят одно потихоньку –
о бренности жизни, конце...
О, брошусь, как в омут, на койку,
забудусь, оглохну во сне.
И темень окрасится белым,
с улыбкой навстречу жена,
и я под гармонику смелым
пою, обнимает она.
Нет своры, неслышно тик-таков,
ни мига никто не крадёт,

тревожных явлений нет, знаков –
а только бессмертный народ.
Увы, наяву всё иначе:
и жизнь коротка и темна,
и счастья там мало тем паче,
и нравы грузнее бревна.
Стучатся... Как будто отраву
заносят в меня палачи.
Ищу я на время управу
в его глухости – в ночи.
Скорей на холодное ложе,
под ватное, да с головой!
...Часы – ещё громче и строже:
«Да что это, глупый, с тобой?»

*Перевод с марийского
Германа Пирогова*

